
Ф. О. Трунов

**ПОЗИЦИИ РОССИИ И ГЕРМАНИИ
ПО «СИРИЙСКОМУ ВОПРОСУ»:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ ВЗАИМНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ?**

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН,
преподаватель факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Сирийские события (с 2011 г.) привели к возникновению широкого спектра угроз безопасности, непосредственно затронувших как Россию, так и государства коллективного Запада, в том числе ФРГ, являвшуюся контрагентом РФ при решении различных проблем международной безопасности в 1990-е – начале 2010-х годов.

Укрепление «Исламского государства» (ИГ)¹ в Сирии и Ираке неизбежно ведет к проникновению его боевиков на российскую территорию (через Закавказье и Среднюю Азию), равно как и в страны – участницы ЕС (через Балканы и Северную Африку). Пока ИГ в Месопотамии противостоят различные силы – в первую очередь, правительственные сирийские войска – его боевики пытаются проникнуть в РФ и Европейский союз небольшими группами и поодиночке. В случае установления полного контроля над Сирией и Ираком распространителями «чёрной чумы» XXI в. в ЕС и Россию будут отправлены тысячи боевиков, способных действовать индивидуально, в составе мелких отрядов и достаточно значительных по численности формирований.

Акты мегатеррора в Париже 13 ноября 2015 г. отчетливо показали уязвимость не только малых и средних, но и ведущих стран – участниц Европейского союза. Угроза международного терроризма для ЕС тесно связана с другой – появлением на территории объединения, экономика которого далеко не в полной мере справляется с последствиями мирового экономиче-

1. Запрещенная в России террористическая организация.

ского кризиса, массы беженцев из стран Леванта. Так, только за период между сентябрем 2015 г. по май 2016 г. в Германию прибывало ежемесячно от 23 тыс. до 51,5 тыс. выходцев из Ближнего Востока, в первую очередь Сирий². В ситуации, когда международный терроризм и миграционный кризис угрожают стабильному политическому развитию стран – участниц ЕС во главе с ФРГ, казалось, существуют предпосылки для взаимодействия с Россией, исторически игравшей значимую роль на Ближнем Востоке, по решению «сирийского вопроса». Однако на различных этапах сирийских событий количество точек соприкосновения между двумя странами было весьма невелико.

Возникновение и развитие гражданской войны в Сирии (2011–2013): Позиции России и Германии

В марте 2011 г. в Сирии, как и в большинстве стран Ближнего Востока, охваченных «арабской весной», начались беспорядки, быстро переросшие в гражданскую войну. Вооруженную борьбу с режимом президента Б. Асада вначале вела относительно консолидированная оппозиция, ядром боевых формирований которой стала «Свободная сирийская армия». Однако значительная часть личного состава Вооруженных сил, в которых преобладали алавиты, сохранила лояльность главе Сирийской Арабской Республике (САР) [3].

В 2011 – начале 2012 г. основное внимание коллективного Запада было сосредоточено на Ливии – здесь в апреле–ноябре 2011 г. государствами – членами НАТО во главе с Францией и Великобританией была проведена военно-воздушная операция, приведшая к свержению режима М. Каддафи. Правительство А. Меркель / Г. Вестервелле (блок ХДС / ХСС и СвДП), отказавшись направить бундесвер на ливийский театр военных действий [1, с. 11–14], использовало для поддержки своих партнеров экономические и политические рычаги, в частности, установив тесный контакт с умеренной ливийской оппозицией [11; 12, р. 56].

Аналогичный характер стала носить германская линия и в отношении правительства Б. Асада. Свернув дипломатические отношения с официальным Дамаском, правительство ФРГ приняло участие в создании в феврале 2012 г. группы «Друзей Сирии», которая стала переговорной площадкой для налаживания и углубления отношений с оппозицией в САР и принятием

2. *Hundreds of thousands of Syrian refugees relatives expected in Germany* // *Deutsche Welle* <<http://www.dw.com/en/hundreds-of-thousands-of-syrian-refugees-relatives-expected-in-germany/a-19313653>> (Дата обращения: 01.07.2016.)

решений в отношении нее в обход Совета Безопасности ООН. Де-юре и де-факто этот формат был направлен против курса РФ, последовательно поддерживавшей официальный Дамаск и блокировавшей совместно с КНР попытки проведения резолюций Совета Безопасности ООН, открывающих путь к внешнему вмешательству в «сирийский вопрос». В своих выступлениях лидеры «черно-желтого» кабинета подчеркивали, что, применяя оружие против оппозиции и поддерживавших ее мирных жителей, режим Б. Асада потерял легитимность. Ужесточая свою линию в отношении сирийских властей, руководство ФРГ не только свернуло экономическое сотрудничество с САР, но и заявило в сентябре 2012 г. о необходимости введения против нее экономических санкций по линии ЕС³.

В отличие от Федеративной Республики и ее западных партнеров, российская сторона не рассматривала режим Б. Асада в качестве нелегитимного, считая его ключевым игроком на сирийском политическом ландшафте. В основе российской аргументации лежал тот факт, что большая часть населения САР – алавиты, сирийские христиане и часть суннитов – сохранили лояльность официальному Дамаску, а их представители постоянно пополняли правительственные войска. Неконфронтационную позицию в отношении сирийских властей стали занимать и курды. С одной стороны, это объяснялось начатыми Б. Асадом глубокими реформами в политической и социально-экономической сферах как реакции на «арабскую весну», с другой – жестокостью действий и бесчинствами противников сирийского режима в отношении мирного населения. Это было вызвано нарастанием центробежных тенденций в оппозиции по мере затягивания вооруженного конфликта, сопровождавшегося усилением позиций радикальных исламистов [7, с. 285]. В условиях трансформации политической системы САР в стране 3 июня 2014 г. прошли досрочные президентские выборы, на которых уверенную победу одержал Б. Асад⁴. Итоги выборов не были признаны странами Запада, сославшимися на то, что электоральный процесс проходил только на территориях, подконтрольных правительству Сирии или его партнерам (курды). Сложно, однако, представить, что какие-либо элементы процесса выборов на основе опыта западной демократии могли бы быть воспроизведены в подконтрольных радикальной оппозиции, в первую очередь ИГ, территориях.

3. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Guido Westerwelle, zum Haushaltsgesetz 2013 vor dem deutschen Bundestag am 12. September 2012 in Berlin // Кабинет федерального канцлера <http://www.bundesregierung.de/SiteGlobals/Forms/Webs/Breg/Suche/DE/Suche_Formular.html> (Дата обращения: 03.07.2016.)

4. Сирия переизбрала президентом Башара Асада <<http://lenta.ru/news/2014/06/04/bashar/>> (Дата обращения: 04.07.2016.)

С точки зрения автора, в основе глубоких различий позиций России и Германии по «сирийскому вопросу» лежали геополитические причины. Сирия в конце 2000-х – начале 2010-х годов стала территорией, на которой *одновременно и параллельно* стремились, опираясь на дружественные политические силы, укрепить на долгосрочную перспективу свои позиции и ФРГ, и РФ.

В условиях частичного восстановления ресурсной базы внешней политики России в 2000-е – начале 2010-х годов ее руководство пыталось вернуть утраченные в 1990-е годы позиции на Ближнем Востоке. При этом основным объектом приложения усилий РФ являлась именно Сирия, что было обусловлено тремя причинами. Во-первых, САР была единственной из бывших стран-союзниц и стратегических партнеров СССР в регионе в годы «холодной войны», где у власти оставалась прежняя политическая элита. Наличие огромного военно-политического «багажа», накопленного в 1970–1980-е годы еще в ходе сотрудничества с президентом Х. Асадом, создавало предпосылки для налаживания тесных контактов с его сыном.

Во-вторых, для РФ большое значение имело развитие сотрудничества с Сирией в военно-технической и военно-политической сферах. Россия получила возможность получить пункты присутствия своих Вооруженных сил на Ближнем Востоке, в том числе военно-морские базы на Средиземном море. В 1970–1980-е годы в Латакии базировалась 5-я оперативная эскадра Черноморского флота, что являлось важным фактором военно-стратегического присутствия СССР не только в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, но и на мировой арене в целом [2, с. 468]. Для САР, особенно после «военной угрозы» 2003 г., весьма высокой вероятности вторжения «коалиции желающих» во главе США в страну после разгрома режима С. Хусейна в Ираке, факторы сотрудничества с Россией и ее военного присутствия имели критически важное значение для обеспечения собственной безопасности. Россия стала предпринимать действия, направленные на снижение угроз у сирийских границ, уже с середины 2000-х годов. Используя трехсторонний формат РФ – ФРГ – Франция, российская сторона активно стремилась предотвратить интервенцию 2003 г. в Ирак. Несмотря на то что достичь этого не удалось, масштаб и международный резонанс действий Кремля способствовал, с точки зрения автора, тому, что США и их партнеры в тогдашней ситуации не пошли на превентивное применение силы в отношении других государств Ближнего Востока, в первую очередь Сирии. В 2006 г. РФ использовала свои политико-дипломатические (в первую очередь, посредством переговоров на

высшем уровне)⁵ и военные (направление строительного батальона и группы военных медиков) инструменты для урегулирования вооруженного конфликта между Израилем и «Хезболлой» на Юге Ливана. От политической стабильности в Израиле, как показал период «холодной войны», безопасность Сирии зависела напрямую [6, с. 182–212]. В 2013 г. – в разгар гражданской войны в Сирии – РФ предложила заменить своими военнослужащими австрийских миротворцев на Голанских высотах – спорной (с 1967 г.) территории между Израилем и САР.

Наконец, в-третьих, к началу 2010-х годов Сирия оставалась единственным государством, построенным на основе идей арабского национализма, получивших распространение в 1950–1960-е годы [6, с. 7–26]. Именно сотрудничая со странами, созданными по основе данной концепции, Советский Союз стал играть весьма значимую роль на Ближнем Востоке, в том числе, в региональной системе безопасности. С точки зрения развития сотрудничества России с государствами Ближнего Востока ни один другой политический тип развития государства региона – авторитарные режимы, теократические монархии или тем более исламисты – не являлся адекватной альтернативой государствам, развивающимся с учетом традиций арабского национализма.

Напротив, в отношении официального Дамаска германская сторона считала, что необходимо реализовать альтернативу отмеченной концепции – провести демократизацию страны по западному образцу. «Новая Сирия» должна была стать частью буферной зоны, возникающей вдоль границ ЕС и НАТО. Государства, образующие ее, с одной стороны, должны были абсорбировать потенциальные вызовы и угрозы безопасности для Евро-Атлантического сообщества, с другой – являть собой пример успешного внедрения ценностей и принципов функционирования западной демократической системы. На формирование буферной зоны были направлены «Средиземноморский проект» и программа «Восточного партнерства», инициированные внутри Европейского союза в конце 2000-х годов. В начале 2010-х годов в условиях «арабской весны», как казалось в тот момент руководству стран ЕС и НАТО, открылись новые широкие возможности для динамичной политической трансформации государств Средиземноморья в соответствии с интересами Евро-Атлантического сообщества. Однако ориентированные на Запад силы в Сирии не смогли одержать быстрой победы – гражданская война перешла в затяжную стадию. В связи с этим с осени 2012 г. первоочередной

5. О телефонном разговоре президента РФ В.В. Путина с премьер-министром Ливана Фуадом Сильорой, 21 августа 2006 г. // Официальный сайт МИД РФ <<http://www.mid.ru/bdmp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005fc32571d10026db06!OpenDocument>> (Дата обращения: 04.07.2016.)

для ФРГ задачей стало сдерживание угрозы нестабильности – в особенности, недопущение ее «перетока» на территорию Турции. Кабинет А. Меркель / Г. Вестервелле не только участвовал в принятии решения Совета глав государств и правительств НАТО от 4 декабря 2012 г. о размещении группировки сил ПВО вблизи турецко-сирийской территории, но и совместно с Нидерландами и США принял участие в ее развертывании. Для этих целей было выделено шесть комплексов PATRIOT и контингент солдат и офицеров бундесвера, потолок которого был установлен в 0,4 тыс. военнослужащих⁶.

3 декабря 2012 г. на встрече с главой Турции Р.-Т. Эрдоганом президент России В.В. Путин выразил обеспокоенность намерениями НАТО, подчеркнув опасность внешнего силового вмешательства в «сирийский вопрос»⁷. РФ опасалась, что вслед за развертыванием района ПВО Запад попытается добиться установления бесполетной зоны в воздушном пространстве, что, памятуя ливийский опыт, приведет к проведению полномасштабной военной кампании для обеспечения победы оппозиции. Однако реализации данного сценария не произошло. В отличие от ситуации в Ливии, в случае с Сирией Россия и Китай в Совете Безопасности ООН блокировали любые проекты резолюций, подразумевавших возможность интервенции, что, собственно, и привело к созданию группы «Друзей Сирии». Различались и особенности развития двух вооруженных конфликтов – в отличие от М. Каддафи, Б. Асад избегал активного использования авиации в борьбе со своими противниками. Ключевое же значение, по нашему мнению, имело нежелание ряда государств – членов НАТО, в том числе ФРГ, втягиваться в гражданскую войну в Сирии с неясными для них последствиями.

В своей поддержке умеренной оппозиции в 2012–2014 гг. германская сторона отдавала предпочтение использованию политико-дипломатических и экономических средств (направление официальной помощи) средств. Применение же военных инструментов руководство ФРГ стремилось свести к минимуму – во всяком случае, на официальном уровне. Помимо демонстрируемой неготовности к боевому использованию войск бундесвера в Сирии, «черно-желтый» кабинет не стремился направлять туда группы военных советников и инструкторов, а также придерживался принципа эмбарго на поставки

6. *Regierungspressekonferenz von 7. Dezember 2012 // Сайт Ведомства федерального канцлера* <<http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Infodienst/2012/12/2012-12-06-patriot-raketen/2012-12-06-patriot-raketen.html>> (Дата обращения: 04.07.2016.)

7. *Рабочий визит президента РФ В.В. Путина в Турцию и переговоры с премьер-министром страны Р.-Т. Эрдоганом 3 декабря 2012 г. // Официальный сайт президента РФ* <<http://kremlin.ru/news/17019>> (Дата обращения: 04.07.2016.)

вооружений в охваченную гражданской войной страну⁸ – мощного инструмента помощи воюющей оппозиции. Этот подход отнюдь не означал отказа от стратегических целей, но был направлен на снижение эскалации и перехода вооруженного конфликта из «горячей фазы» в стадию урегулирования. Это открыло бы широкие возможности для оказания разносторонней (в том числе посредством использования военных инструментов) поддержки прозападных сил в Сирии. Соответственно, в фокусе внимания германской дипломатии оставалось решение вопроса о достижении перемирия в зоне вооруженного конфликта. В основе реализуемого РФ курса также лежало стремление к скорейшему обеспечению режима прекращения огня, что стало предпосылкой для временного установления взаимодействия между двумя державами.

Так, в ходе переговоров глав внешнеполитических ведомств G8, проходивших 10–11 апреля 2013 г., Г. Вестервелле активно поддержал позицию министра иностранных дел России в том, что искать решения «сирийского вопроса» следует исключительно в политической, а отнюдь не в военной плоскости, что было отражено в итоговом заявлении стран – участниц встречи⁹.

На следующей встрече «Большой Восьмерки», но уже на высшем уровне, состоявшейся 17–18 июня 2013 г. в Лох-Эрне (Великобритания) канцлер А. Меркель заявила, что урегулирование «сирийской проблемы» невозможно без участия РФ. Результатом этого стало принятие декларации всеми странами-участницами, а не только западными [7]. Итоговое заявление, исходя из его содержания, следует признать дипломатической победой России – в нем содержалось разделение оппозиции на умеренную и радикальную, состоящую из террористических структур, помощь которым была полностью запрещена. В документе вновь подчеркивалась необходимость межсирийского национального диалога как единственного средства урегулирования конфликта¹⁰.

Однако решения G8 не привели к замирению в Сирии – более того, уже в конце августа 2013 г., бездоказательно обвинив лояльные Б. Асаду войска

8. *Pressekonzferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Obama, 19. Juni 2013 // Сайт Ведомства канцлера ФРГ <<http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitschrift/Pressekonzferenzen/2013/06/2013-06-19-pk-merkel-obama.html>> (Дата обращения: 15.07.2016.)*

9. *Итоговое заявление встречи министров иностранных дел стран «Группы восьми», 11 апреля 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <<http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257b4f005ae27c?OpenDocument>> (Дата обращения: 15.07.2016.)*

10. *Lough Erne Leader Communiqué, 18 June 2013 // Сайт Правительства Великобритании <https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/207771/Lough_Erne_2013_G8_Leaders_Communique.pdf> (Дата обращения: 15.07.2016.)*

в применении 21 августа химического оружия против мирного населения, администрация Б. Обамы заявила о необходимости интервенции. Российская сторона, отметив, что аналогичные действия со стороны оппозиции имели место еще 19 марта 2013 г., предложила направить независимую экспертную комиссию (под эгидой ООН) для расследования инцидента. Однако, как подчеркивала российская сторона, эти действия не остановили запущенной военной машины США¹¹. 29 августа 2013 г. парламент Великобритании отказал в использовании Вооруженных сил страны в Сирии, в то время как 30 августа 2013 г. президент Франции высказался в поддержку участия в планируемой операции. А. Меркель изложила свое решение последней из европейских лидеров: бундесвер мог быть задействован в операции *только* под эгидой ООН (что блокировалось из-за позиции РФ и КНР), ЕС и НАТО¹² (что было проблематично ввиду британской позиции). Соответственно, ФРГ вновь сократила до нуля возможность своего военного вовлечения в ход гражданской войны в Сирии. Этой линии «черно-желтый» кабинет придерживался и на саммите G20: 6 сентября 2013 г. А. Меркель и Г. Вестервелле демонстративно отказались подписать заявление об образовании «коалиции желающих» для организации интервенции, сделав это лишь на следующий день. В документе содержалась жесткая критика РФ и КНР, в результате действий которых «2,5 года заблокирована работа Совета Безопасности по Сирии»¹³. Показательно, что накануне начала работы саммита состоялись закрытые консультации Г. Вестервелле и С.В. Лаврова¹⁴.

Военное вмешательство «коалиции желающих» во главе с США в ходе гражданской войны в Сирии с высокой долей вероятности мог поиметь фатальные последствия для официального Дамаска, учитывая усталость и потери его войск в личном составе и технике за 2,5 года боевых действий.

11. Комментарий официального представителя МИД РФ А.К. Лукашевича в связи с заявлением США о силовой акции против Сирии, 29 августа 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <<http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/44257b100055db8444257bd70063869a!OpenDocument>> (Дата обращения: 16.07.2016.)

12. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag am 3. September 2013 in Berlin // Сайт Ведомства федерального канцлера <<http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Bulletin/2013/09/87-1-bk-bt.html>> (Дата обращения: 16.07.2016.)

13. Joint Statement on Syria. 6 September 2013. <<http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/06/joint-statement-syria>> (Дата обращения: 16.07.2016.)

14. О встрече министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с министром иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле 5 сентября 2013 г. // Официальный сайт МИД РФ <<http://www.mid.ru/bdomp/ns-g8.nsf/4681a749b12257b3432569ea003614e4/44257b100055f92444257bdd004e5c7e!OpenDocument>> (Дата обращения: 16.07.2016.)

Осознавая это, президент РФ В.В. Путин 9 сентября 2013 г. выдвинул инициативу по уничтожению под международным контролем арсенала химического оружия правительства САР как средства дипломатического урегулирования военно-политического кризиса¹⁵. К 15 сентября 2013 г. США в результате сложных двусторонних переговоров приняли данные предложения. С точки зрения автора, успеху реализации инициативы РФ способствовало несогласие ФРГ и ряда других государств Запада с намерениями США провести военную кампанию в Сирии.

Показательно, что с октября 2013 г. Германия стала принимать активное финансовое и техническое участие в уничтожении арсенала сирийского химического ОМП. Изначально оно на кораблях ВМФ РФ, базировавшихся в Латакии, вывозилось из САР, а суда ВМС стран – участниц НАТО, получив его от российской стороны, доставляли в места уничтожения. В связи с украинскими событиями Североатлантический альянс 17 марта и 1 апреля 2014 г. принял решения о полном свертывании взаимодействия с РФ, что, однако, не прервало ликвидацию ОМП Сирии. В результате к маю 2015 г. – через 2,5 года после начала реализации инициативы В.В. Путина – подавляющее большинство боезарядов с химическим оружием (свыше 95%) было уничтожено¹⁶.

Утрата взаимного доверия и скатывание к военно-политической конфронтации, характеризовавшие отношения РФ с институтами и странами коллективного Запада, в том числе ФРГ, привели к минимизации осуществляемого в 2013 г. взаимодействия двух держав по сирийской проблематике в 2014 – первой половине 2015 г. Вместе с тем на данном направлении обе стороны избегали каких-либо резких шагов, которые могли бы привести к эскалации напряженности в отношениях России и Евро-Атлантического сообщества. Основное внимание вновь избранного в конце сентября 2013 г. правительства А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера (блок ХДС / ХСС и СДПГ), равно как и российского руководства было сосредоточено на украинских событиях.

15. Комментарий президента РФ В.В. Путина по ситуации с химическим оружием в Сирии, 9 сентября 2013 г. // Официальный сайт президента РФ <<http://www.kremlin.ru/news/19194>> (Дата обращения: 16.07.2016.)

16. Destroying Syria's chemical weapons – Germany's involvement as part of the international community // Сайт МИД ФРГ <<http://www.auswaertiges-amt.de/EN/Aussenpolitik/Abruestung/Projekte/Chemiewaffen-Syrien.html>> (Дата обращения: 17.07.2016.)

Операция ВКС РФ в Сирии и вовлечение ФРГ в борьбу с ИГ

Предпосылки для возобновления взаимодействия по «сирийской проблеме» возникли летом-осенью 2015 г. Во-первых, в результате усилий «шестерки» (пять ядерных держав и ФРГ) в июле 2015 г. удалось найти дипломатическое решение иранской «ядерной проблемы». В ходе завершающих стадий переговоров, ведущая роль на которых принадлежала России, с ней активно взаимодействовала германская сторона¹⁷. Соответственно, был показан пример успешной координации двух сторон в рамках международных форматов по решению ключевых проблем безопасности на Ближнем Востоке.

Во-вторых, к осени 2015 г. наступательные операции бригад и отрядов «Исламского государства» привели к установлению фактического его контроля над значительной частью территорий САР и Ирака (в границах 2003 г.). Авиаудары, наносившиеся ВВС стран-участниц созданной при ведущем участии США антитеррористической коалиции (2014), не позволяли приостановить продвижение боевиков ИГ [10]. Это было обусловлено как низкой эффективностью действий бомбардировщиков и штурмовиков, так и отсутствием серьезной наземной поддержки. Формирования курдов (как иракских, так и сирийских), официального Багдада, а тем более умеренной оппозиции в САР не располагали необходимыми возможностями для проведения контр наступательных действий. В условиях отсутствия каких-либо контактов (не говоря уже о взаимодействии) коллективного Запада с силами, лояльными Б. Асаду, возникла вероятность утверждения вместо светского режима в Сирии исламистов, стремящихся насильственным путем построить гомогенный суннитский халифат в глобальном масштабе. Это и стало первой и основной причиной боевого применения российских Вооруженных сил в борьбе с «Исламским государством», начиная с 30 сентября 2015 г. – первой военной кампании РФ за пределами границ бывшего СССР. Задействованная в борьбе с ИГ межвидовая группировка имела относительно небольшую численность (приблизительно 5 тыс. солдат и офицеров), компактно дислоцируясь основными силами всего в двух центрах: в порту Латакии (боевые единицы ВМФ и силы поддержки) и на авиабазе Хмейим (части Воздушно-космических сил и части прикрытия). Здесь к началу авиаударов ВКС РФ по ИГ было сосредоточено по 12 бомбардировщиков и штурмовиков,

17. Interview mit Bundesaußenminister Frank-Walter Steinmeier. Themen: Griechenland, das iranische Atomprogramm sowie angebliche NSA-Aktivitäten in Deutschland. Erschienen im Tagesspiegel am Sonntag (05.07.2015.) // Сайт МИД ФРГ <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2015/150706_BM_Tagesspiegel.html?nn=337666> (Дата обращения: 17.07.2016.)

6 истребителей, а также свыше 20 вертолетов¹⁸. Юридической основой для развертывания авиагруппы ВС РФ в Сирии стало подписанное 26 августа 2015 г. соглашение по данному вопросу и запрос президента Б. Асада о российской военной помощи на основании договора о сотрудничестве (1980). Днем 30 сентября 2015 г. Совет Федерации единогласно одобрил военное применение российских военнослужащих и боевой техники в Сирии¹⁹, а уже через несколько часов ВКС РФ начали бомбардировки позиций «Исламского государства».

Какие причины, помимо ключевой – противодействия ИГ, определяли действия России? Безусловно, руководство РФ стремилось продемонстрировать готовность оказать экстренную и полноценную военную помощь своему союзнику. Учитывая наметившееся сближение с официальным Каиром после возвращения Египта к светской модели развития и избрания президентом Ф. Ас-Сиси, скорость и решительность предпринятых Россией мер значительно повышали ее шансы в поиске новых (при условии сохранения старого) союзников на Ближнем Востоке. Так, РФ совместно с Сирией, Ираком и Ираном создала Информационный центр в Багдаде – пункт координации усилий антитеррористической коалиции, второй после созданной США. В движении РФ к укреплению своих стратегических позиций в Леванте немаловажное значение имело и обеспечение легитимного российского военного присутствия на постоянной основе и на долгосрочную перспективу.

Активно включившись в борьбу с ИГ, Россия демонстрировала готовность к координации своих усилий с институтами и государствами коллективного Запада, тем самым стремясь к общей нормализации отношений с ними.

Сохраняя жесткую риторику в отношении режима Б. Асада, в то же время официальный Берлин избегал критики российских действий. Прежде всего, думается, это объяснялось заинтересованностью ФРГ в максимальном снижении возраставшей угрозы от «Исламского государства», при этом без длительного боевого применения бундесвера. Большое значение имел и эффект стратегической неожиданности событий 30 сентября 2015 г., хотя сведения о наращивании российского военного присутствия в Сирии поступали в Берлин как по линии BND, так и от разведструктур НАТО. По мнению автора,

18. Минобороны назвало численность авиагруппы в Сирии <<http://lenta.ru/news/2015/10/01/fifty/>> (Дата обращения: 04.07.2016.)

19. Члены Совета Федерации единогласно проголосовали за принятие Постановления об использовании Вооруженных сил РФ за пределами Российской Федерации. Соответствующее постановление на рассмотрение Совета Федерации внес Президент РФ Владимир Путин // Официальный сайт СФ ФС РФ <www.council.gov.ru/events/news/59272/> (Дата обращения: 25.07.2016.)

отмеченное обстоятельство прежде всего было обусловлено предшествующими действиями самого «черно-красного» правительства. Свертывание контактов с РФ в рамках многосторонних (в частности, G8) и двусторонних форматов, введение санкций и общая атмосфера похолодания отношений отнюдь не способствовали стремлению Кремля предупреждать ФРГ о своих намерениях (а тем более согласовывать их). Тем самым косвенно действия России облегчали путь к нормализации отношений сторон.

Фактор присутствия ВС России в Сирии не мог не учитываться руководством ФРГ при реализации шагов военного характера: это повлияло на решение кабинета «большой коалиции» пойти в начале октября 2015 г. на досрочный вывод военнослужащих и систем PATRIOT с турецкой территории²⁰, вслед за ним аналогичные решения приняли Нидерланды и США. ФРГ стремилась избежать вовлечения себя и НАТО в возможные инциденты с ВКС РФ, что могло произойти уже 24 ноября 2015 г., когда турецкие ВВС сбили российский самолет Су-24, и тем самым новой резкой эскалации между альянсом и Россией.

Акты мегатеррора 13 ноября 2015 г. в Париже потребовали от руководства ФРГ фактического, а не декларативного, вовлечения в борьбу с «Исламским государством». 2 декабря 2015 г. устами министров обороны (У. фон дер Ляйен) и иностранных дел (Ф.-В. Штайнмайер) кабинет «большой коалиции» запросил санкцию Бундестага на военное применение контингента бундесвера численностью 1,2 тыс. военнослужащих. Однако, исходя из большинства задач контингента – осуществление космической и авиаразведки (совместно с французской стороной), морское патрулирование и охрана кораблей ВМС, заправка боевых самолетов ВВС Франции, – его военнослужащие не должны были непосредственно принимать участие в боевых действиях на территории Ирака и Сирии. Менее 50 офицеров бундесвера должны были участвовать в наземных операциях, причем и они работали при штабах (иракских курдов, официального Багдада, центров планирования борьбы с терроризмом союзников по НАТО)²¹. Думается, что среди прочего, выбор подобной схемы использования обуславливался стремлением снизить число и масштаб возможных инцидентов с РФ.

20. Die PATRIOTs in der Türkei beenden ihren Auftrag <[http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw!/ut/p/c4/LYvBCslwEET_KJtoRfDW2IsevWt9yLZZymKalLi1UPx4E-gMDMw8Bp6QHfDLAwrHgB4e0PZ86hbVLY5exOGDsuaKb5nJ-20iWQnu5ex19TGQIBQKwjmhHbKtmmISX8icUiaKHbTaNNYcK73J_Oq9vZ53h0o3F3uDaRzrP0pV5EE!/> \(Дата обращения: 17.07.2016.\)](http://www.einsatz.bundeswehr.de/portal/a/einsatzbw!/ut/p/c4/LYvBCslwEET_KJtoRfDW2IsevWt9yLZZymKalLi1UPx4E-gMDMw8Bp6QHfDLAwrHgB4e0PZ86hbVLY5exOGDsuaKb5nJ-20iWQnu5ex19TGQIBQKwjmhHbKtmmISX8icUiaKHbTaNNYcK73J_Oq9vZ53h0o3F3uDaRzrP0pV5EE!/)

21. Rede von Dr. Ursula von der Leyen, Bundesministerin BMVg // Plenarprotokoll 18/142. Deutscher Bundestag, 18 Wahlperiode. Stenografischer Bericht 142. Sitzung. Berlin, Mittwoch, den 2. Dezember 2015. – S. 13875C–13876C.

Однако это вовсе не означало готовности к взаимодействию с Россией по военным вопросам. В отличие от президента Франции Ф. Олланда, предложившего во время своего визита в Вашингтон в конце ноября 2015 г. координировать действия двух антитеррористических коалиций – с ведущим участием США и России, – руководство ФРГ даже не рассматривало такую возможность. За более чем полгода участия ВКС России в борьбе с ИГ в Сирии не было зафиксировано ни одного случая осуществления взаимодействия с бундесвером на оперативно-тактическом уровне. В отличие от США, ФРГ не стала заключать двусторонних договоренностей с РФ о недопущении столкновений авиации, хотя разведсамолеты Tornado и боевые единицы ВКС неоднократно пересекались в воздушном пространстве САР.

В первую очередь позиция Германия объясняется общеполитическим фоном. ФРГ, несмотря на медленное улучшение двусторонних отношений, не была готова пойти на их полное восстановление, что с высокой долей вероятности повлекло бы за собой установление взаимодействия в военной сфере. Кабинет А. Меркель / Г. Вестервелле не мог не учитывать категорическое стремление США и их ближайших партнеров по антитеррористической коалиции избежать (как минимум де-юре) координации усилий с ВКС РФ и ее союзниками. В отличие от Франции, Германия была новоиспеченным и несущим весьма ограниченную собственно боевую нагрузку членом коалиции, а потому проявление ей слишком большой самостоятельности могло вызвать требование расширить мандат бундесвера и направить в Сирию боевые самолеты, чего правительство «большой коалиции» пыталось избежать.

В октябре 2015 – январе 2016 г. ИГ потеряло инициативу на главном – сирийском театре военных действий благодаря действиям ВКС РФ, поддерживавшим контрастительные действия правительственных войск Б. Асада. Ослабление ИГ при ведущем участии России и официального Дамаска создали условия для активизации переговорного процесса по Сирии – в первую очередь под эгидой ООН, в рамках которого взаимодействовали дипломаты РФ и ФРГ. Во многом это объяснялось интересом обеих сторон к заключению договоренностей по завершению боевых действий между режимом Б. Асада и умеренной оппозицией. Позиция ФРГ в ходе переговорного процесса, что отчетливо проявилось в феврале 2016 г., была двухкомпонентной. Так, именно на полях ЛП Мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля 2016 г. с участием РФ были выработаны прелиминарные условия соглашения о прекращении огня [5]. А уже 15 февраля 2016 г. А. Меркель высказалась за создание бесполетной воздушной зоны как минимум над

частью САР²². Чем объяснялась такая, на первый взгляд двойственная, позиция ФРГ? Прежде всего – стремлением расширить меры по поддержке оппозиции – весьма ослабленной и ведущей малоуспешные боевые действия. Впервые с 2011 г. ФРГ проявила готовность пойти для этого на реализацию военных мер. Эти изменения и были вызваны успехами переговорного процесса – умеренная оппозиция становилась общепризнанным игроком на политическом ландшафте САР, а оказание ей военной помощи уже не угрожало Германии быть втянутой в гражданскую войну в Сирии. Заявление А. Меркель должно было стать «сигналом» как для России, так и для правительства Б. Асада о наличии четких интересов ФРГ в САР и готовности их отстаивать.

Заключение 27 февраля 2016 г. перемирия о прекращении огня открыло новые возможности для оказания Германией помощи, в том числе военной, умеренной оппозиции. Так, в районе второго по важности сирийского города Алеппо в июне 2016 г. были зафиксированы подразделения спецназа бундесвера, но данный факт отрицался германскими властями²³. Хотя Россия с середины марта 2016 г. сократила свое военное присутствие в САР, она продолжает активно использовать военные инструменты на ее территории для борьбы с ИГ. Таким образом, приближаясь к решению «сирийской проблемы», каждая из сторон активно использовала широкий набор внешнеполитических возможностей для отстаивания своих, во многом не совпадающих, интересов.

* * *

Сирия, особенно с момента ее вступления в состояние длительной нестабильности, являлась фокусным регионом во внешней политике как РФ, так и ФРГ при весьма различающихся стратегических целях. Действия двух держав имели общий знаменатель только при условии осознания угроз безопасности. Соответственно, в ходе сирийских событий отношения России и Германии прошли четыре основных этапа. На первом из них (2011–2012) отчетливо проявилось различное видение будущего «новой Сирии», особенно в связи с принятием ФРГ широкого спектра мер, направленных против официального Дамаска. Затягивание гражданской войны, угрожая распространению нестабильности, способствовало взаимодействию двух держав весной 2013 –

22. Merkel für Flugverbotzone über Syrien <www.zeit.de/politik/2016-02/angela-merkel-flugverbotzone-syrien-baschar-al-assad-islamischer-staat> (Дата обращения: 17.07.2016.)

23. Минобороны ФРГ опровергло информацию о присутствии своего спецназа в Сирии <<http://ria.ru/syria/20160615/1447923181.html>> (Дата обращения: 17.07.2016.)

в начале 2014 г. Обе стороны стремились к заключению всеобъемлющего перемирия и недопущению эскалации конфликта. Негативный внешний фон – общее и резкое ухудшение отношений РФ и коллективного Запада – привел к сокращению до минимума контактов по Сирии на третьем этапе (апрель 2014 – сентябрь 2015 г.). На следующем, четвертом, этапе (октябрь 2015 – февраль 2016 г.) в условиях масштабного военного вовлечения РФ в борьбу с ИГ и подключения ФРГ к антитеррористической коалиции Запада обе стороны, избегая какой-либо координации усилий на поле боя, развивали политический диалог. Заключение перемирия 27 февраля 2016 г. убрало одну из предпосылок временно возникавшего взаимодействия сторон. Другая предпосылка – необходимость максимального ослабления ИГ – является сегодня основным двигателем диалога двух держав.

По мере возвращения Сирии к состоянию светского и стабильного государства различия подходов РФ и ФРГ будут проявляться всё острее. Возможность избежать этого – перейти от игры по схеме с нулевой суммой к схеме «плюс – плюс». На практике это может означать включение в состав правительства Б. Асада представителей умеренной оппозиции при закреплении за суннитами определенных политических постов на конституционном уровне. В ответ официальный Дамаск должен принять на себя обязательства, во-первых, не допускать возвращения боевиков ИГ или других структур международного терроризма на свою территорию. Во-вторых, принимать максимальное число беженцев (при условии международного содействия в реконструкции страны). Наконец, в-третьих, модернизировать политическую систему и социально-экономическую сферу. С точки зрения автора, это один из немногих вариантов решения «сирийской проблемы», построенный на компромиссном взаимном учете позиций ФРГ и РФ.

Литература

1. Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – № 26 (42). – С. 11–15.
2. Золотарев В.А., Путилин Б.Г. Месть за Победу: Советский Союз и «холодная война». – М., 2014. – 800 с.
3. Зубов А. Сирия: Предыстория трагедии // Новая газета <www.novayagazeta.ru/comments/70395.html> (Дата обращения: 02.07.2016.)
4. Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / Под ред. В.В. Наумкина, Д.Б. Малышевой. – М., 2015. – 504 с.
5. Наумкин В.В. Военная победа в Сирии невозможна // Российский совет по международным делам <russiancouncil.ru/inner/?id_4=7306#top-content> (Дата обращения: 04.07.2016.)
6. Примаков Е.М. Ближний Восток: На сцене и за кулисами. – М., 2006. – 384 с.
7. Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: Роль России. – М., 2014. – 318 с.

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

8. Сапронова М. Сирия, G8 и особая позиция России // Военно-промышленный курьер. – М., 2013. – № 26 (494). – С. 1, 3.
9. Curtisius G. Friedenslösung für Ukraine, Irak / Syrien. Konflikt-Gefahren durch Wirtschaftsflüchtlinge und Islam. – Nordstedt: Books on Demand, 2015. – 60 S.
10. Sackelmore J. The World Against ISIS. – New York: Conceptual Kings (Standard Copyright License), 2014. – 78 p.
11. Pinfari M. Tunisia and Lybia // The European Union and the Arab Spring / Peters J. (Edit.). – Lexington: Lexington books, 2012. – P. 33–47.
12. Yigit N. Arab spring in Berlin and Paris. German and French foreign policy between continuity and change. – Hamburg Anchor Academic Publishing, 2015. – 68 S.